

К сожалению, именно потому, что супруга князя У всё выяснила так досконально, это дело кажется мне ещё более странным. Матушка по характеру подозрительна и строга в управлении подчинёнными. Даже когда я посылаю подарки людям из её дворца, приходится тщательно взвешивать степень близости с каждым и давать ей знать об этом — но не явно, а полунамёками. Даже при таких условиях я никогда не могу выяснить всё до конца, лишь смутно догадываюсь по уклончивым речам окружающих. К тому же, должности в её дворце очень размыты и меняются быстро; кроме Ванъэр и А-Цин, сегодняшний служащий завтра может оказаться на другом месте. Назначая людей, она часто использует временные или пробные должности, так что состав непостоянен. Порой даже я, находясь совсем рядом, не вполне понимаю, кто чем занимается в её покоях. Супруга князя У пробыла в столице всего полгода — как же она сумела всё узнать так подробно?

Князь У, находясь далеко в землях У, сумел опередить других, написав «Оду обряду Фэншань» и доставив её отцу раньше, чем Ли Жуй и я отправили свои поздравительные записки. Теперь его супруга, пребывая за стенами дворца, так хорошо осведомлена о дворцовых делах. Отчего так? Неужели они и вправду столь проницательны и способны улавливать мельчайшие детали? Или же... кто-то намеренно их направляет?

Апрель в этом году был не менее знойным, чем в прошлые годы, но, к счастью, в феврале и марте выпало много дождей, так что, вероятно, не случится такой засухи, как в прошлом и позапрошлом годах. Однако даже так от жары в двух столицах погибло немало простолюдинов и скота. Матушка же, из-за болезни отца, приказала построить даосский храм, чтобы молиться о его здравии. В прошлом году отец издал указ, запрещающий крупное строительство, поэтому храм возвели от моего имени. Я символически пожертвовала три тысячи связок монет, три тысячи кусков шёлка и три тысячи отрезков цветной ткани (после чего матушка выделила средства из казны на постройку храма и загородной резиденции, а также повелела Шаофу изготовить для меня золотые и серебряные изделия на сумму в миллионы). Храм назвали «Чанлэ».

В прежние годы любое крупное строительство неизменно вызывало шквал придворных увещеваний, но в этот раз не последовало ни единого возражения. Наследный принц, князь У и князь Цзи также пожертвовали средства и материалы, и храм Чанлэ возвели с невиданной пышностью и великолепием — от начала работ до завершения прошло меньше трёх месяцев.

Отец, желая, видимо, показаться справедливым и щедрым, во время строительства Чанлэгана также повелел властям возвести резиденцию для князя У в Восточной столице, а Ли Жую щедро одарил деньгами и тканями, негласно позволив ему обустроить загородное поместье в столице. Ли Жуй немедленно выбрал участок рядом с дворцом Шанъян, выстроил там особняк и завёл множество бойцовых петухов, соколов, охотничьих собак и породистых лошадей. В конце июня строительство особняка и храма Чанлэ завершилось. Едва работы закончились, ещё до того, как Ли Жуй и князь У успели въехать, матушка уже отдала приказ: мне надлежало вновь облечься в рясу даосской монахини, постричь в монахини несколько сотен дворцовых служанок и евнухов и переселиться в храм Чанлэ.

Я была только рада покинуть дворец. Во-первых, хоть из-за возраста я и не могла свободно приходить и уходить, мне уже не нужно было так тщательно скрывать свои встречи с Вэй Хуань, как в стенах дворца. Во-вторых, обстановка в дворце становилась всё более непонятной, и даже я, всегда державшаяся в стороне от придворных интриг, начала тревожиться. Наша династия насчитывает всего три поколения, а уже были и мятеж у ворот Сюанью при Цинь Шужэне, и борьба за наследство между сыновьями Тайцзуна — все эти события затрагивали армию и дворцовую стражу. Вдруг однажды ночью кто-нибудь поднимет восстание, начнётся резня? Я же окружена одними слабыми женщинами — ни сражаться не смогу, ни быстро

бежать. Что мне тогда делать?

Я начала понемногу сомневаться в матушке. Казалось бы, она нацелилась на наследного принца: устраивает громкие сцены, отчитывает его при всех, усиливает охрану, вызывает князя У в столицу. Но с прошлого года до сего дня, хоть и прошло уже больше полугода, всё остаётся «громом при ясном небе»: положение наследного принца, хоть и шаткое, не меняется. Отец не проявляет ни малейшего желания сместить его, а матушка, при всей своей суровости к нему, к его супруге относится с невероятной заботой — не только освободила её от придворных визитов, но и по несколько раз на дню отправляет людей навестить, сама в свободное время навещает в сопровождении супруги князя У, принцесс и придворных дам, ласково напутствуя: «Непременно роди наследника!» Разве это похоже на подготовку к низложению?

В ином времени и пространстве суждено ли матушке, как в той иной истории, стать беспрецедентной и непревзойдённой императрицей-правительницей?

Я слышала одну историю. Человек, живший наверху, каждую ночь бросал на пол два башмака. Тот, кто жил внизу, каждый раз просыпался от этого стука. В конце концов он пожаловался, и жилец сверху пообещал вести себя тише. Но в ту же ночь, швырнув первый башмак, он вспомнил о своём обещании и осторожно, без звука поставил второй. Он думал, что поступил правильно, но не знал, что человек внизу, разбуженный первым башмаком, прождал всю ночь второго и так и не сомкнул глаз.

Сейчас я чувствую себя именно так. Матушка давно швырнула первый башмак, но второй всё не падает. Каждый раз, когда доносится малейший шорох, я думаю: вот он, наконец-то! — но всё снова затихает, оставляя лишь всё более тяжёлые подозрения и сомнения.

Иногда думаю: если даже я, наблюдающая со стороны, пребываю в такой тревоге, то каково же наследному принцу, находящемуся в самом эпицентре бури?

Как давно я его видела? То ли десять, то ли двадцать дней. Обстоятельства нашей последней встречи уже стёрлись из памяти. Он ещё существует, но его присутствие становится всё призрачнее. Некогда второй человек в государстве, наследник престола, всеобщий любимец, старший сын императрицы — а теперь он даже не сравним с обычным принцем.

Кажется, все во дворце сговорились и разом перестали обращать на него внимание. Беременность его супруги сначала воспринималась как рождение наследника от наследного принца, потом — как рождение сына супруги наследного принца, а теперь — как рождение «внука Тяньхоу». Словно существование этого внука уже никак не связано с самим наследным принцем.

Помимо слухов о смещении старшего сына в пользу младшего, поползли и слухи о смещении сына в пользу внука. Они распространялись беззвучно, но стремительно, достигнув пика, когда матушка в шутку предложила усыновить сына князя У. В нашем государстве, из-за влияния обычаев варваров, нередко усыновляют внуков или племянников. Если Тяньхоу готова усыновить даже сына наложницы, то кто знает, не достоин ли она такой же чести и сына собственного сына?

Отец, разумеется, тут же отверг эту шутку, да и сама матушка со смехом сказала, что это не совсем уместно. Предложение кануло, словно камень, брошенный в воду, — вызвало лёгкую рябь и исчезло.

Однако подозрения, им порождённые, лишь усилились.

Даже если усыновление и не состоялось, её ожидания относительно внука были поистине пламенными. Она не только сама окружала супругу наследного принца неусыпной заботой, но и не раз, ссылаясь на её беременность, наставляла наследного принца: сиди во дворце, будь рядом с женой.

Эта неожиданная горячность обернулась для моей невестки тяжким бременем. В последние месяцы я видела, как она день ото дня худеет, а матушка, чем больше та чахла, тем больше опекала её и тем суровее требовала от наследного принца.

И он тоже начал худеть. Его личность, его титул — словно растворились, рассеивались под действием невидимой силы, по крохам исчезая в необъятных и величественных дворцовых залах.

И вот, среди этого всеобщего распада, наконец упал тот второй башмак, которого я так долго ждала. Ждала его бесконечно, а само событие, от начала до завершения, заняло всего несколько дней.

На семнадцатый день моего пребывания в храме Чанлэ, в день полнолуния, состоялся большой дворцовый приём. Погода стояла прекрасная. Отец и матушка прибыли в город из загородной резиденции и приняли приветствия от всех чиновников у дворцовых ворот. Я же, засидевшись допоздна в беседе с А-Хуань, нехотя валялась в постели, обняв её и капризно требуя поцелуя, иначе не встану.

Внезапно Сун Фою ввела в покои какого-то человека. А-Хуань едва успела спрыгнуть с кровати. Мы обе сильно перепугались. Она, опустив голову, теребила край одежды, а у меня в груди колотилось сердце. Мне оставалось лишь перевернуться под шёлковым одеялом, делая вид, будто я ещё сплю.

<http://bllate.org/book/16278/1466701>